Сны и желания

Автор:
Эбби Грин

Сны и желания

Эбби Грин

Любовный роман – Harlequin #91

Леонидас Парнассис впервые ступил на землю своих предков с одним желанием – отомстить человеку, ставшему причиной изгнания его семьи. Случайно встретив на вечеринке дочь своего врага, Лео решает сделать ее своей любовницей и таким образом покрыть позором имя ненавистного ему рода. Однако неожиданно пробудившееся нежное чувство к невинной девушке может помешать Лео осуществить план...

Эбби Грин

Сны и желания

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Пролог

Леонидас Парнассис посмотрел в иллюминатор личного самолета, который только что приземлился в аэропорту Афин. К его полному ужасу, грудь сдавило –

весьма неприятное ощущение. Он не испытывал ни малейшего желания вставать с кресла, хотя члены экипажа уже готовились открыть дверь. Просто он все еще злился из-за того, что подчинился требованию отца приехать в Афины «поговорить».

Лео Парнассис никогда не тратил свое время, силы и средства на то, что считал нестоящим. Ни на деловое предприятие, ни на любовницу, ни на отца, который поставил восстановление семейного состояния и возвращение их доброго имени выше отношений с сыном.

Лео – грек до мозга костей, и все же он никогда не посещал родную землю. Их семья была выслана из страны до его рождения, но отец с триумфом вернулся несколько лет назад, осуществив наконец давнишнюю мечту вернуть их имени честь и упиваться вновь обретенным положением и богатством.

Горький гнев всколыхнулся в душе Лео, когда он вспомнил морщинистое, изнуренное лицо своей любимой бабушки. Для нее возвращение домой уже невозможно. Она умерла в чужой стране, которую так никогда и не полюбила. Она уговаривала внука вернуться, как только появится возможность, но он люто ненавидел Афины, считая этот город причиной его разбитого сердца. Он поклялся, что никогда не вернется в страну, которая так легко отвергла его семью.

В Афинах по-прежнему живет семейство Кассианидисов, истинных виновников случившегося. Они испортили его детство, повлияли на всю его жизнь. И все-таки он здесь. Что-то в отцовском голосе – какая-то невероятная слабость – взывало к сыну. Это затронуло какую-то глубинную струну в его душе, он обязан был приехать. Может, он хотел доказать, что не идет на поводу у своих эмоций?

От этой мысли Лео похолодел. Еще в восьмилетнем возрасте он поклялся, что никогда не позволит чувствам завладеть им, потому что это убило его мать.

Сейчас он должен разобраться с желанием отца передать ему бразды правления судоходным бизнесом. Лео долгое время отвергал свое наследство, он жил в Америке и управлял дочерней компанией по оценке и скупке недвижимости в Нью-Йорке.

Его единственный вклад в отцовский бизнес был сделан пару лет назад, когда они отомстили Тито Кассианидису, последнему оставшемуся патриарху семейства Кассианидисов. Желание отомстить – единственное, что объединяло отца и сына.

Лео испытывал особое удовлетворение от падения Кассианидисов.

Послышался сдержанный кашель.

– Прошу прощения, сэр?

Лео поднял глаза, раздраженный тем, что его мысли прервали. Он увидел, что стюард показывает на открытую дверь салона. Неожиданно возник ребяческий порыв захлопнуть дверь и лететь назад, в Нью-Йорк.

Переборов неприятные ощущения, Лео пошел к двери салона, чувствуя на себе взгляды членов экипажа. Обычно это его не волновало, он привык к тому, что люди наблюдают за его реакцией, но сейчас ему было неприятно.

Лео поразили жар и сухость. Странно знакомые. Впервые в жизни он вдохнул воздух Афин, и сердце сжалось от того же нелепого чувства чего-то знакомого. Ему всегда казалось, что приезд сюда будет как предательство бабушкиной памяти, но сейчас она как будто мягко подталкивала его вперед.

Лео понимал, что его жизнь скоро изменится.

В это же время в Афинах

– Делфи, сделай глубокий вдох и расскажи мне, что случилось. Я не смогу помочь тебе, пока не буду знать, в чем дело.

Эти слова спровоцировали новый поток слез. Энджел схватила еще один бумажный платок, холодок дурного предчувствия прошелся по ее позвоночнику. Ее младшая сводная сестра прорыдала:

– Я не могу этого сделать. Я же будущий юрист!

Энджел убрала с лица сестры волосы цвета красного дерева и успокаивающе произнесла:

– Я знаю, милая. Послушай, наверняка все не так плохо, что бы это ни было. Просто расскажи мне, и мы подумаем, как с этим справиться.

Делфи слишком застенчива и тиха. Она всегда была такой, а после несчастного случая шесть лет назад, унесшего жизнь ее сестры-близнеца, и вовсе ушла в себя. С тех пор она с головой погрузилась в учебу, поэтому, когда сестра, шмыгнув носом и икнув, тихо прошептала: «Я беременна…», смысл слов не сразу дошел до Энджел.

– Энджел… ты меня слышишь? Я беременна. Вот… вот что случилось.

Пальцы Энджел непроизвольно сжали руки сестры.

– Делфи, как же это случилось? – Она поморщилась. – То есть я знаю как, но…

Сестра виновато опустила глаза, на щеках заалели пятна.

– Ну… ты же знаешь, между мной и Ставросом все стало серьезнее… – Делфи опять посмотрела на нее, и сердце Энджел растаяло при виде смятения, которое отразилось на лице сестры. – Мы оба хотели этого, Энджел. Мы чувствовали, что пришло время…

Сердце Энджел сжалось. Сестра продолжала:

– И мы были осторожны, мы предохранялись, но… – Она опять покраснела, ей было унизительно об этом говорить. – В общем… он порвался. Мы решили подождать, пока не удостоверимся, что есть о чем беспокоиться, и вот… удостоверились.

– Ставрос знает?

Делфи кивнула с несчастным видом:

– Я тебе не говорила, но на мой день рождения в прошлом месяце Ставрос попросил меня выйти за него замуж.

Энджел не удивилась. Она подозревала, что это скоро случится. Ставрос и Делфи давно любят друг друга.

– Он говорил со своими родителями?

Делфи кивнула, и слезы снова выступили у нее на глазах.

– Его отец сказал, что, если мы поженимся, он лишит его наследства. Ты же знаешь, они никогда не любили нас…

Энджел поморщилась. Ставрос – потомок одной из самых старинных и богатых семей Греции, а его родители – неисправимые снобы.

– А теперь еще хуже, потому что семейство Парнассисов дома, и все знают, что произошло, и с папиным банкротством… – Она замолчала с несчастным видом.

Знакомое чувство стыда охватило Энджел при упоминании имени Парнассисов. Когда-то давно ее семья совершила ужасное преступление, ложно обвинив Парнассисов в убийстве. И только недавно истина была публично раскрыта. Когда ее двоюродный дедушка Костас, который на самом деле совершил преступление, сознался во всем в своей предсмертной записке, Парнассисы, ныне успешные и богатые, решили отомстить и вернулись из Америки в Грецию на волне триумфа. Последовавший за этим скандал и передел власти привели к тому, что ее отец, Тито Кассианидис, потерял бизнес и оказался на грани банкротства. Парнассис позаботился, чтобы все узнали, как семья Кассианидисов самым гнусным образом злоупотребила своей властью.

– Ставрос хочет, чтобы мы сбежали.

Энджел снова сосредоточилась на беседе и тут же хотела вставить свое слово, но Делфи, бледная, вся в слезах, вскинула руку:

– Но я не позволю ему сделать это.

Энджел захлопнула рот.

– Я не хочу быть виноватой в том, что его лишат наследства. Энджел подивилась бескорыстию своей младшей сестры.

– А как же ты, Делф? Ты ведь тоже заслуживаешь счастья, а твой ребенок заслуживает отца.

Внизу хлопнула дверь, и они обе вздрогнули.

– Он дома… – выдохнула Делфи со смесью страха и презрения, когда нечленораздельный яростный рев отца достиг их ушей.

На глаза опять навернулись слезы, и внезапно Энджел со всей отчетливостью осознала, что ее младшая сестренка теперь беременна и ее любой ценой надо оградить от боли.

– Милая, ты правильно сделала, что рассказала мне. Веди себя так, будто ничего не произошло, а мы что-нибудь придумаем. Все будет хорошо.

В голосе Делфи появились истерические нотки:

– Но отец становится все более неуправляемым, а мама…

– Ш-ш. Послушай, я ведь всегда была рядом, верно? – Энджел замолчала. Ее не было рядом, когда Делфи нуждалась в поддержке и утешении после смерти своей близняшки Дэмии, поэтому она и пообещала оставаться дома до тех пор, пока Делфи окончательно не встанет на ноги.

Сейчас сестра лишь слабо кивнула, закусила губу и доверчиво посмотрела на Энджел. Та поймала одинокую слезинку, скатывающуюся по щеке Делфи, и вытерла ее подушечкой пальца.

– Через несколько месяцев тебе предстоят экзамены, поэтому ты должна сосредоточиться на учебе, а все остальное предоставь мне.

Сестра кинулась ей на шею и крепко обняла. Энджел подумала, что через несколько месяцев живот Делфи уже будет заметен. Она должна сделать все, чтобы они со Ставросом поженились. Делфи не такая стойкая и уверенная в себе, какой была ее сестра.

– А вдруг отец… – начала сестра.

Энджел решительно мотнула головой:

– Не узнает. Обещаю. А теперь ложись-ка ты в постель и поспи. И не беспокойся, я все улажу.

Глава 1

Энджел не могла забыть об обещании, данном сестре. Она решила сама поговорить с отцом Ставроса, но он даже не соизволил встретиться с ней. Яснее дать понять, что социально они неравны, было невозможно.

– Кассианидис!

Оклик босса заставил Энджел отвлечься от мрачных мыслей. Судя по недовольству, читавшемуся на его лице, должно быть, он звал ее уже не в первый раз.

– Когда вернешься к нам на грешную землю, пойди к бассейну, убедись, что там все в порядке и что свечи расставлены на всех столиках.

Она пробормотала извинение и убежала. Она работала на вилле Парнассисов, высоко в горах Афин, в качестве официантки на вечеринке, которая устраивалась в честь Леонидаса Парнассиса, сына Георгиоса. Все вокруг обсуждали возможность того, что он станет управлять семейным бизнесом и какой это принесет успех делу.

Энджел сбежала по ступенькам, окруженным цветущей бугенвиллеей, и остановилась – сильная боль сдавила сердце. Худшего для нее места и

придумать нельзя. Надо же, какая ирония – она, Энджел Кассианидис, собирается разносить напитки сливкам общества Афин прямо под носом у Парнассисов.

Она облегченно выдохнула, когда увидела, что возле бассейна никого нет. Гости еще не начали прибывать, и хотя некоторые остановились на вилле, Энджел знала, что они пока готовятся к празднику.

Ей не удалось избежать приезда сюда сегодня. Им, официантам, не сказали, куда их везут, «в целях безопасности». Энджел знала, что, если бы попыталась этим вечером увильнуть от работы, босс тут же уволил бы ее.

Она постаралась успокоиться. Ее босс – англичанин, недавно переехавший в Афины со своей женой англо-греческого происхождения. Он ничего не знал о том, кто такая Энджел, и о ее скандальной связи с семейством Парнассисов.

Она стала расставлять серебряные подсвечники, в душе порадовавшись, что среди сегодняшнего персонала нет местных. Заказов набралось так много, что боссу пришлось нанять работников со стороны, и все они были либо из других городов Греции, либо иностранцами.

Энджел боялась, что кто-нибудь на вечеринке может узнать ее. Она закусила губу. Может, ей все-таки лучше оставаться в кухне и заниматься составлением подносов, чтобы избежать…

Энджел вздрогнула от неожиданности, когда услышала всплеск воды где-то рядом. В бассейне кто-то есть. Она осторожно вставила последнюю свечу и собралась ретироваться обратно на кухню. Наверное, в бассейне кто-то был все это время, но не плавал, поэтому она и не заметила.

Неожиданно внимание Энджел привлекло какое-то движение.

Мужчина, похожий на греческого бога, выходил из бассейна. Ручейки воды сбегали по его оливковой коже, лаская крепкие мускулы. Словно в замедленной съемке, он поднялся во весь свой внушительный рост.

Энджел тряхнула головой. Греческих богов не существует. Это мужчина из плоти и крови. Тело отказывалось двигаться, и она, неловко попятившись, к своему ужасу, налетела на стул и упала бы, если б мужчина молниеносно не поймал ее, и вместо того, чтобы повалиться назад, Энджел упала к нему на грудь, ухватившись за плечи.

Девушка попыталась отстраниться и подалась назад, заставив себя опустить руки. Жар опалил щеки, когда она наконец обрела равновесие и обнаружила, что взгляд ее упирается в коричневые соски мужчины. Энджел сглотнула и посмотрела в его лицо:

– Прошу прощения… Я просто испугалась. Свет…

Я не видела.

Мужчина приподнял черную бровь. Энджел снова сглотнула. Боже, лицо его было так же прекрасно, как и все остальное. Он совершенно неотразим. С густых черных волос капала вода, высокие скулы подчеркивали твердую нижнюю челюсть. Губы его были плотно сжаты, но в них Энджел увидела обещание чувственности, на которое отозвалось ее тело. Внезапно мужчина улыбнулся. Она снова чуть не схватилась за него, чтобы не упасть. Тонкий шрам шел от верхней губы к носу, пробуждая в ней нелепый порыв протянуть руку и дотронуться до него. Внезапно ей захотелось узнать, как этот незнакомец получил его.

– С вами все в порядке?

Энджел слабо кивнула. Судя по произношению, он американец. Возможно, какой-нибудь деловой партнер, гость, остановившийся на вилле.

– Э… да. Все хорошо.

Он чуть заметно нахмурился, не испытывая, похоже, никакой неловкости из-за того, что раздет.

– Вы не гречанка?

Она сначала покачала головой, потом кивнула:

– Гречанка. Но и наполовину ирландка. Поэтому акцент у меня более нейтральный. – Она захлопнула рот. Что она несет?

Мужчина нахмурился чуть сильнее, взглядом окинув ее униформу.

– И при этом вы работаете официанткой?

Недоумение в его тоне привело Энджел в чувство.

Только привилегированные греческие семьи отправляют своих детей учиться за границу. Она сразу же почувствовала себя уязвимой. Ей следовало раствориться в толпе, а не вступать в разговоры с гостями хозяев. Она попятилась:

– Прошу меня извинить. Мне надо возвращаться к работе.

Она уже собиралась отвернуться, когда он протянул:

– Возможно, вы захотите обсохнуть, прежде чем начать разносить шампанское.

Энджел проследила за его взглядом, устремленным ей на грудь, и ахнула: блузка ее намокла, и просвечиваются простой белый лифчик и остро торчащие соски.

В ужасе охнув, она попятилась, опять споткнулась о стул и чуть не упала, но в этот раз удержала равновесие. Спасаясь бегством, она услышала за спиной смешок.

* * *

Немного позже Леонидас Парнассис оглядел салон, заполненный людьми, и, не найдя официантку, попытался подавить возникшее чувство раздражения. Ему совсем не нравилось желание снова увидеть ее.

Образ девушки преследовал Лео, насмехался над его попытками выбросить ее из головы. Ему вспомнились яркий румянец на щеках, большие голубые глаза, окаймленные густыми черными ресницами. Она смотрела на него так, как будто никогда раньше не видела мужчину. А над краем верхней губы Лео заметил крошечную родинку, которая привела его в сильнейшее возбуждение. Он любовался тем, как быстро и сосредоточенно она выполняет свою работу. К тому же девушка не заметила его у бассейна, а Лео не из тех, кто привык оставаться незамеченным.

Когда, действуя инстинктивно, он прижимал ее к груди, ее волосы были немного растрепаны и обрамляли изящную линию скул, пробуждая в нем желание зарыться рукой в эти блестящие пряди и дать им рассыпаться по плечам. Он почти ощущал на своих руках их тяжелый шелковистый вес.

Раздражение вспыхнуло с новой силой. Где же она? Или девушка была плодом его воображения? В этот момент к нему подошел отец в сопровождении коллеги, и Лео был вынужден нацепить на лицо улыбку, злясь на себя за то, что оказался в плену чар какой-то официантки. Внешний вид отца на время отвлек его от мыслей о ней – он выглядел слабым и изнуренным. Лео понял, что нужен здесь, несмотря на его собственную империю.

Он подумал о своем безликом современном пент-хаусе в Нью-Йорке, о мире небоскребов из стали и бетона, в котором он живет. Подумал о своей безупречно ухоженной и очень искушенной любовнице, о том, каково было бы уйти от всего этого, и не почувствовал… ничего.

Афины же удивили Лео. Здесь будто что-то глубоко захороненное в его душе пробудилось к жизни, и от этого уже нельзя было просто так отмахнуться.

Неожиданно Лео заметил кого-то на другом конце комнаты. Уложенные в высокую прическу блестящие волосы, длинная шея, красивая спина. Сердце заколотилось.

Энджел старалась держать голову опущенной и не встречаться ни с кем взглядом. Она хотела остаться на кухне, но босс в конце концов отправил ее в главный салон, как наиболее опытную официантку из всего персонала.

И тут она заметила хмурый взгляд Аристотеля Левакиса, делового партнера Парнассиса, устремленный на нее с другого конца комнаты, и запаниковала. Если Аристотель Левакис узнает ее, это будет катастрофа. Энджел вспомнила, что пару раз видела его на вечеринках в доме отца.

Предлагая красное вино небольшой группе людей, она продвигалась дальше, но нечаянно столкнулась с другим официантом. Поднос накренился, и Энджел с ужасом наблюдала, как четыре бокала, полные красного вина, опрокидываются, выливая содержимое на белоснежное дизайнерское платье одной из гостей.

На секунду все замерло. Женщина в ужасе таращилась на свой наряд. А потом завизжала так пронзительно, что Энджел поморщилась.

– Дура! Идиотка!

Но тут так же внезапно рядом с Энджел выросла огромная темная тень, и она поняла что это мужчина, которого она встретила у бассейна. Сердце ее пропустило удар, потом снова лихорадочно заколотилось. Мужчина подмигнул ей, потом отвел возмущенную гостью в сторону и что-то стал ей тихо говорить. Энджел заметила своего босса, спешащего к ним, чтобы уладить инцидент.

Когда ее босс и гостья отошли, мужчина повернулся к Энджел. Он был настолько внушителен и неотразим в шикарном смокинге, что от потрясения она не могла пошевелиться. Он спокойно взял из ее рук пустой поднос и передал другому официанту. Разбитые бокалы и разлитое вино уже убирали.

Мужчина провел ее через комнату к открытым дверям в патио.

Прохладный и душистый вечерний воздух окутал Энджел, но она вся горела от стыда и ощущения большой мужской ладони, держащей ее повыше локтя. Они остановились возле низкой стены, за которой лежала ухоженная лужайка.

– Итак, мы снова встретились.

Энджел мысленно встряхнулась, заставляя мозг работать, но испугалась, что, несмотря на все усилия, ее голос дрожал:

– Я прошу прощения… Вы, должно быть, считаете меня жуткой недотепой. Обычно я не такая неуклюжая. Спасибо за то, что… – Она махнула в сторону салона, снова вспомнила красное пятно, расплывающееся на белом платье женщины, и ей стало дурно. – За то, что разрядили обстановку. Но не думаю, что мой босс простит меня. То платье, судя по всему, стоит столько же, сколько я получаю за год.

Он вытащил руку из кармана и небрежно отмахнулся:

– Считайте, что все улажено. Я видел, как все произошло, это была случайность.

Энджел ахнула:

– Я не могу позволить вам сделать это. Я ведь даже вас не знаю. – От его безразличия и небрежной демонстрации богатства в душе ее поселился какой-то холод. Вся эта публичная сцена вызывала у нее глубокое отвращение.

В его глазах появился опасный блеск.

– Напротив, я бы сказал, что мы как раз на пути к знакомству.

Мужчина придвинулся ближе к Энджел, и во второй раз за день она отметила, что его глаза как будто озарены золотистым светом.

Он поднял руку и провел пальцем вдоль ее щеки к изящной линии подбородка, оставляя за собой огненный след.

– Я все время думал о тебе.

Тот холод, что поселился в груди Энджел, растаял.

– Вы… Правда? Он качнул головой:

– И о твоих губах.

– Моих… – Энджел тупо уставилась на него. Взгляд ее опустился на его рот. И она снова увидела неровный шрам. Ей так захотелось провести по нему пальцем, что пришлось стиснуть руки, чтобы удержаться.

– Ты думаешь о том, каково было бы сейчас почувствовать мои губы на своих?

Взгляд Энджел метнулся вверх и столкнулся с чистейшим расплавленным золотом его глаз. Возник порыв сжать ноги, чтобы унять тревожащую тянущую боль в низу живота. Не успела она ответить, как мужчина нежно обхватил ее щеку и стал медленно наклонять голову.

От него исходил запах мускуса и разгоряченного мужского тела. Он был настолько земным и чувственным, что Энджел ощутила отклик где-то в низу живота, словно пришло инстинктивное узнавание. Отчаянно цепляясь за остатки разума, Энджел схватила его за руку и потянула вниз, пытаясь сказать «нет», но его рот был так близко, что их дыхания смешались. Губы покалывало. Она хотела… хотела…

– Сэр?

Энджел так отчаянно хотелось почувствовать его губы на своих, что она красноречиво придвинулась ближе.

– Мистер Парнассис… сэр?

Веки Энджел медленно закрылись и тут же резко распахнулись. Они были совсем близко. Если Энджел высунет язык, то сможет исследовать его губы, их форму и текстуру. И в этот момент только что произнесенное имя пронзило ее словно молния.

Мистер Парнассис.

Реальность происходящего обрушилась на нее, какофония вечеринки хлынула к ним через открытые двери. Энджел не помнила, как она оттолкнула его руку и шагнула назад.

Кто-то еще вышел в патио. Дворецкий, который стоял там – долго ли? – незаметно ретировался. Оказалось, вышла жена хозяина, Олимпия Парнассис.

– Лео, дорогой, отец ждет тебя. Скоро произносить речь.

До Энджел дошло, что он закрывает ее своим телом. Она скорее почувствовала, чем услышала низкий рокот его голоса:

– Дай мне еще две минуты, Олимпия.

Тон его был непререкаемым. Мужчина явно из тех, кто привык отдавать приказы и требовать их немедленного исполнения. Он – Леонидас Парнассис.

Энджел не расслышала, что ответила женщина, затем процокали каблуки и дверь закрылась. Способность соображать вернулась. Ей надо убираться отсюда.

Она почувствовала, что Леонидас Парнассис снова повернулся к ней, но не могла заставить себя посмотреть на него. Теплая рука дотронулась до ее подбородка и приподняла ей голову. Энджел стало дурно. Она не могла избежать его взгляда. Мужчина сексуально улыбнулся:

– Прошу прощения, что нас прервали. Через минуту мне придется уйти, но… на чем мы остановились?

Бежать отсюда немедленно! Она только что чуть не поцеловала Леонидаса Парнассиса, того самого мужчину, который, должно быть, празднует позор ее семьи. Энджел подумала о Делфи, которая сейчас так ранима. Ни она, ни сестра не должны расплачиваться за то, что произошло много лет назад.

Энджел отвела его руку, голос ее был холоден:

– Послушайте, я не знаю, во что вы играете. Мне надо возвращаться к работе. Если мой босс увидит меня тут с вами, то уволит.

Леонидас Парнассис долго смотрел на нее, потом расправил плечи и отступил на шаг. Дразнящего, игривого соблазнителя как не бывало, на его месте теперь стоял сын миллионера и наследник огромного состояния. Человек, который и

сам покорил в жизни немало высот.

– Прошу прощения. – Голос его был ледяным. – Я бы ни за что не попытался поцеловать вас, если б знал, что вы находите такую перспективу отталкивающей.

Но по его поведению было видно, что он ни капельки не раскаивается. И тут Леонидас протянул руку и снова обхватил ее лицо. Ее сердце застучало, и она почувствовала, что вспыхнула.

Он больше не притворялся ни раскаивающимся, ни милым.

– Кого ты хочешь обмануть, лапочка? Даже и не пытайся, не выйдет. Я всегда узнаю признаки желания, и сейчас ты хочешь меня, как хотела там, у бассейна.

Энджел снова отбросила его руку, запаниковав уже всерьез. Если бы он только знал, кто она…

– Не смешите. И пожалуйста, уйдите с дороги, чтобы я могла вернуться к работе.

– Уйду, – бросил он. – Но сначала докажу, что ты лжешь.

Не успела Энджел опомниться, как Лео приблизился к ней, обхватил ее лицо ладонями и поцеловал, глубоко и страстно. Она попыталась оттолкнуть его руки и вырваться, но легче было бороться с ураганом.

Губы Энджел послушно раскрылись, приглашая, и язык Лео вонзился глубоко и безжалостно. Такой интимный поцелуй потряс ее до глубины души. Тело, вначале оцепеневшее от шока, теперь полыхало. Желание сопротивляться становилось все слабее. Энджел чувствовала силу его рук.

Она не заметила, как оставила попытки высвободиться. В какой-то момент все вокруг перестало существовать, был только их поцелуй, который все длился и длился. Тела крепко прижимались друг к другу. Громкий стук сердец заглушал тревоги. Энджел привстала на цыпочки, стремясь быть еще ближе, почувствовала признаки его возбуждения, и рассудок оставил ее окончательно.

А потом вдруг все закончилось, и Леонидас отступил от нее. Тело Энджел предательски придвинулось к нему, словно не желало отпускать. И только тогда она заметила, что Лео держит ее руки в своих… Ужасное подозрение закралось к ней в душу. Он заставил ее опустить их? Унижение и стыд затопили Энджел, пока она пыталась понять, что произошло, собраться с мыслями. Сердце все еще гулко стучало. Она молчала, онемевшая, оглушенная.

Леонидас Парнассис просто смотрел на нее, его лицо пылало. От гнева? Или от удовлетворения, что он доказал свою правоту? Унижению и стыду Энджел не было предела.

Где-то рядом послышался сдержанный кашель.

– Сэр? Не могли бы вы сейчас присоединиться к своему отцу в доме, пожалуйста?

Леонидас продолжал смотреть на Энджел, но теперь на его лице ничего не отражалось.

– Сейчас буду. – Леонидас повысил голос, обращаясь к маячившему за спиной служащему, но глаз от нее не отвел. Он, казалось, полностью владел собой, не считая предательской краски на скулах.

У Энджел было ощущение, будто она распадается на части.

– Я… – неуверенно начала Энджел.

Он властно прервал ее:

– Подожди меня здесь. Я еще не закончил с тобой.

Потом он развернулся и решительно направился в салон.

Она не могла поверить в то, что только что произошло. Энджел потрясенно дотронулась до припухших, пылающих губ, покалывающих от страстного, глубокого поцелуя. С новым приливом стыда и отвращения она вспомнила, как выгибала свое тело, прижимаясь к нему ближе, словно хотела забраться ему под кожу. Даже в самые страстные моменты их отношений с Ахиллом она не

испытывала такого сильнейшего желания.

Энджел почувствовала себя не просто голой, а лишенной кожи, и болезненные воспоминания снова нахлынули на нее. Она услышала, как голоса в салоне стихли, и стала обдумывать план побега. Заметив ступеньки, ведущие вниз, предположительно в сторону кухни, девушка быстро сбежала по ним. Она прекрасно понимала, что теперь может забыть о работе. Инцидент с вином решил ее судьбу, а ее исчезновение с почетным гостем стало последней каплей.

Энджел забрала свои вещи из кухни, потихоньку выскользнула из дома и, не оглядываясь, зашагала прочь от сверкающей виллы.

Лео слушал эмоциональную речь отца. Георгиос Парнассис не делал тайны из того, что готов передать бразды правления сыну.

Пока Лео был занят своими мыслями, отец закончил речь, и гул разговоров возобновился, но его тело все еще звенело от желания к девушке, которую он оставил в патио. Лео бросил взгляд на двери, снова открытые, но не увидел ее. Раздражение кольнуло его при мысли, что она могла уйти. Он велел ей ждать его.

Лео не терпелось вернуться в тень деревьев и закончить то, что начал, и из-за этого мужчина еще больше злился.

Он понимал, сейчас в его жизни наступает ответственный момент, а все мысли крутятся вокруг сексуальной официанточки, которая то вспыхивает как спичка, то делается холодной как лед, потом снова становится горячей и страстной. Собственный гнев удивил его. Никогда прежде он с таким не сталкивался. Женщины обычно из кожи вон лезли, чтоб подцепить его на крючок, да только все было напрасно.

Но когда она посмотрела на него, как на какого-то зеленого юнца, пытающегося навязаться ей, он словно обезумел. Никогда раньше Лео не испытывал такого страстного желания доказать чью-то неправоту, заставить женщину запомнить его. Никогда не испытывал такой неумолимой потребности кого-то вот так целовать… А потом, когда она перестала сопротивляться, когда он почувствовал, как она делается горячей и пылкой в его руках…

– Георгиос не мог высказаться яснее… Итак, ты готов клюнуть на приманку, Парнассис?

Лео был настолько глубоко погружен в собственные мысли, что ему потребовалась пара секунд, чтобы вернуться к реальности. Заискивающая толпа, окружавшая его, рассосалась. Он заморгал и увидел, что Аристотель Левакис, деловой партнер его отца, смотрит на него выжидающе.

Он улыбнулся и пошутил:

– Думаешь, я намерен обсуждать это с тобой, чтоб к утру мое решение было известно всему городу?

Ари добродушно усмехнулся. Лео пытался сосредоточиться на разговоре, при этом взглядом выискивая блестящие каштановые волосы, уложенные в высокую прическу и обнажающие изящную белую шейку. Он в очередной раз не расслышал слов Ари и выругался про себя.

– Прости, что ты сказал?

– Что удивился, увидев ее здесь. Я видел, как ты вывел ее отсюда. Ты попросил ее уйти? – Ари покачал головой. – Надо ж было набраться наглости…

Лео застыл:

– Ее?

– Энджел Кассианидис. Старшую дочь Тито Кассианидиса. Она работала здесь официанткой. Пролила вино на Пию Кириаполос, и ты вывел ее. Думаю, все предположили, что ты велел ей убираться. – Ари огляделся. – И с тех пор я ее не видел. Значит, по-видимому, она тебя послушалась.

Лео мгновенно отреагировал на упоминание имени Кассианидис. Его враги. Семья, которая принесла ему унижение, горе и немыслимую сердечную боль. Он нахмурился, пытаясь понять:

– Энджел Кассианидис… Она Кассианидис? Ари снова повернулся к нему и кивнул:

– Ты не знал?

Лео покачал головой, силясь переварить эту информацию. Откуда он мог знать, как выглядят дети Тито Кассианидиса? Во время слияния они не имели дел напрямую с семейством Кассианидисов. Сама сделка – вот все, что было нужно, дабы ускорить их крах. Это была чистая месть, но она показалась странно неудовлетворительной теперь, когда он встретился лицом к лицу с одной из них. Когда он поцеловал одну из них.

Он остро почувствовал свою уязвимость. Если Ари узнал ее, можно ли рассчитывать, что другие не узнали? Он вспомнил, как выводил девушку отсюда с одной-единственной мыслью остаться с ней наедине и проверить свое влечение. Тогда он даже не догадывался, кто она.

Он позволил злости подавить чувство уязвимости. Был ли тот случай с пролитым вином частью ее плана? Во что, черт побери, она с ним играла? Соблазняла его своими огромными голубыми глазами, а потом пыталась притвориться, что не хочет его? Она играла с ним с той самой первой минуты у бассейна. От этой мысли к горлу подступила желчь. Он не чувствовал себя таким уязвленным никогда.

Интересно, ее послал отец, как какую-нибудь пешку? Было ли все это тщательно разыгранным спектаклем? Все тело Лео оцепенело, протестуя против этой мысли.

Тут он заметил, что к нему приближается отец в сопровождении нескольких мужчин. У него не было времени обдумывать это сейчас, и до конца вечера придется улыбаться и делать вид, что ему не хочется сорвать с себя бабочку, сбросить смокинг, пойти найти Энджел Кассианидис и заставить ее ответить на кое-какие вопросы.

Неделю спустя, Нью-Йорк

Лео стоял у огромного окна своего офиса, выходящего на центр Манхэттена. Каждый раз, закрывая глаза, он видел ангельское лицо Энджел Кассианидис, обращенное к нему.

Лео язвительно посмеялся над собой. Энджел – какое подходящее имя.[1 - Энджел – в переводе с английского «ангел».] Затем его мысли перекинулись на Афины. Он еще никому в этом не признался, тем более отцу, но город затронул какие-то струны его души. Нью-Йорк не вызывал в нем никаких чувств.

Сегодня утром Лео разорвал отношения со своей любовницей. Ее наигранные рыдания все еще звучали у него в ушах. Но он не почувствовал ни малейшего укола совести. Только облегчение.

Энджел. Лео раздражало, как легко она завладела всеми его мыслями. Он не мог позволить себе разыскать ее и спросить, в какую игру, черт возьми, она играла.

Ее дерзость и наглость поразили его. Очевидно, Кассианидисы не намерены забывать прошлое. Неужели они хотят возобновить старую вражду или, хуже того, биться насмерть, пока снова не возьмут верх?

Лео нахмурился. Возможно, они опираются на поддержку кого-то из старой афинской элиты? Может статься, эта угроза – причина для беспокойства?

Но он тут же отругал себя. А может, все это ничего не значит. И то, что Энджел в тот вечер оказалась на вилле, – простое совпадение. Внутренний голос насмешливо поинтересовался: «Могло ли быть совпадением, что из всего множества людей ты заметил именно ее?»

Лео сжал руки в кулаки. Она поплатится. Он развернулся, взял телефон и сделал звонок. Его разговор с человеком на другом конце линии был коротким и лаконичным. Закончив, он снова повернулся к окну.

Лео решил вернуться в Афины, чтобы взять на себя управление судоходной компанией. Его охватило предвкушение.

При мысли о том, что он снова встретится с Энджел Кассианидис и заставит ее объясниться, возбуждение забурлило в жилах. Лео стиснул челюсти, подавив

внезапный прилив нетерпения. Сначала надо уладить дела в Нью-Йорке.

Глава 2

Месяц спустя

Сердце Энджел болезненно колотилось. Она чувствовала, что вся покрывается холодным потом. Во второй раз за какие-то несколько недель она находилась на вилле Парнассисов.

Энджел попыталась сориентироваться в расположении комнат. К ее немалому облегчению, на вилле никого не было, и она молча порадовалась, что хоть раз газетные сообщения не солгали. Она прочитала об ухудшившемся здоровье Георгиоса Парнассиса, и что в настоящее время он отдыхает на одном из греческих островов.

Энджел нащупала успокаивающую выпуклость документа во внутреннем кармане ее куртки. Вот зачем она здесь. Она поступает правильно. С тех пор как несколько недель назад в прессе было объявлено, что Лео Парнассис берет в свои руки бразды правления семейной корпорацией, оставляет Нью-Йорк и навсегда переезжает в Афины, Энджел все больше охватывал мандраж, а отца – злость и горечь от того, что исчезает его последний шанс поправить свои дела. Молодой, полный сил и энергии глава корпорации Парнассисов представляет куда большую угрозу, чем его больной отец, несмотря на его успех.

Вчера Энджел вернулась домой со своей новой работы и нашла отца пьяно посмеивающимся над какими-то документами. Он заметил, как она крадется через холл, и позвал в гостиную. Она нехотя подчинилась, зная, что его лучше не раздражать.

Отец показал на документ:

– Знаешь, что это такое?

Энджел покачала головой. Конечно же она не знала.

– Это, дорогая доченька, мой шанс. – Он махнул пачкой бумаг. – Ты хоть понимаешь, что здесь у меня?

Энджел снова покачала головой, холодок нехорошего предчувствия пробежал по позвоночнику. Отец пробормотал заплетающимся языком:

– Вот тут у меня самые страшные, самые темные тайны семейки Парнассисов и их погибель. Последнее завещание Георгиоса Парнассиса. Я знаю все. Про все их активы и имущество, сколько точно все они стоят и как он планирует распределить все это. И еще я знаю, что его первая жена покончила с собой. Они, должно быть, это замяли. Ты можешь представить, что будет, если эта информация утечет к кому следует? Я собью с них спесь.

Энджел стало по-настоящему плохо от мысли, что после всех этих лет, после всего того, через что прошла семья Парнассисов, отец до сих пор хочет раздувать вражду. Он настолько ослеплен горечью, что не в состоянии понять, что лишь усугубит положение своей семьи. Не говоря уже о той невыразимой боли, которую причинит Парнассисам, открыв их семейные тайны, если то, что он сказал о самоубийстве, правда.

– Как ты его раздобыл? Тито отмахнулся:

– Не важно. Знакомое холодное отвращение заставило Энджел выпалить:

– Ты послал одного из своих громил на виллу и выкрал его!

Лицо отца пошло пятнами, подтверждая ее слова.

Отец разозлился, явно больше не желая с ней разговаривать.

– А если и так, то что? А теперь убирайся отсюда. Меня тошнит всякий раз, когда я смотрю на тебя и вижу твою мамашу-шлюху.

Девушка вышла из комнаты, потом немного подождала и вернулась. Как она и ожидала, отец отключился прямо в кресле, в одной руке сжимая пачку документов, а другой прижимая к груди пустую бутылку из-под виски. Он громко храпел. Было нетрудно вытащить пачку из его ослабевших пальцев и тихонько выскользнуть.

На следующий день рано утром Энджел отправилась на работу, взяв завещание с собой. Она знала, что отец будет все еще в отключке. А поздно вечером приехала на виллу Парнассисов, но тут же запаниковала, когда столкнулась с охранником и до нее дошло, какое невыполнимое дело она затеяла. Энджел промямлила что-то насчет того, что обслуживала здесь вечеринку несколько недель назад и забыла кое-что ценное. К ее огромному облегчению, неулыбчивый охранник, проконсультировавшись с кем-то, впустил ее. Облегчение стало еще больше, когда она дошла до кухни, не обнаружила там никого и, крадучись, направилась по безмолвному холлу к кабинету. Она оставит бумаги в ящике стола и так же тихо уберется. Она не даст отцу раздувать пожар вражды между их семьями. Это последнее, что им нужно, последнее, что нужно Делфи. Теперь Ставрос каждый день умоляет Делфи бежать, но она отказывается, не желая погубить карьеру Ставроса и вызвать раскол в семье.

Увидев приоткрытую дверь на другом конце холла, Энджел сделала глубокий вдох для храбрости и на цыпочках пошла к ней. Осторожно чуть шире приоткрыла дверь и снова облегченно выдохнула, когда увидела, что это кабинет. Лунный свет был единственным источником света, и комната тонула в тенях.

Энджел разглядела письменный стол, приблизилась к нему и нащупала ящик. Пальцы ухватились за ручку и потянули, а другой рукой она в то же время полезла в карман за завещанием. Она только-только успела его вытащить и собиралась положить в ящик, когда ярко вспыхнул свет. Энджел с перепугу отскочила назад.

Леонидас Парнассис стоял в дверях, сложив руки на груди. Глаза его были такими черными и устрашающими, что Энджел застыла. А потом он спросил тихим ледяным тоном:

– И что это, интересно знать, ты тут делаешь?

Энджел с огромным трудом поборола приступ дурноты, грозящий самым настоящим обмороком. Она не может упасть в обморок. Но и говорить не может. И мозг, и тело расплавились при виде Лео Парнассиса, стоящего всего в нескольких шагах, одетого в темные брюки и простую голубую рубашку. Он был грозен, опасен и пугающе неотразим.

Она открыла рот, но не выдавила ни звука.

Широкими шагами Лео пересек комнату, двигаясь быстро и грациозно, и без усилий вырвал документы из ее побелевших стиснутых пальцев.

– Итак, Кассианидис, давай посмотрим, зачем ты пришла.

Энджел тупо смотрела, как он открыл папку. И услышала, как он резко втянул воздух, когда понял, что это.

Он полоснул ее острым как бритва ледяным взглядом.

– Завещание моего отца? Ты явилась сюда, чтобы украсть его завещание? Или оно просто первым попалось в твои жадные руки?

Энджел покачала головой, отметив, что он назвал ее Кассианидис. Это отвлекло ее.

– Вы… вы знаете, кто я?

Он стиснул челюсти. Энджел увидела это, и у нее засосало под ложечкой. Лео бросил завещание на стол и схватил ее за руку, причинив боль. Энджел чуть не вскрикнула от его прикосновения. Он бесцеремонно вытащил ее из-за стола, подвел к креслу в углу и толкнул ее в него.

– Мне следовало догадаться, что ты не испытываешь ни малейших угрызений совести, вторгаясь туда, где тебе не рады.

Энджел понимала, что, скорее всего, это бесполезно, но все равно сказала:

– Если бы я могла предположить, где буду работать в тот вечер, то ни за что не согласилась бы. Но я узнала слишком поздно.

Лео лишь презрительно хмыкнул, возвышаясь над ней, скрестив руки на своей широкой груди.

– Бога ради, не считай меня круглым дураком. Может, других тебе и удалось обмануть своим соблазнительно невинным личиком, но после того, что я только что видел, я знаю, что ты насквозь испорченная. Как и вся ваша семейка.

Энджел в порыве гнева попыталась было вскочить. Несправедливо полагать, что она такая же, как ее отец, но не успела она и слова вымолвить, как Лео толкнул ее обратно в кресло. Энджел почувствовала себя слабой и беспомощной, как тряпичная кукла, ее всю трясло.

Энджел стиснула кулаки и почувствовала прилив сил, который пришел вместе с гневом.

– Вы все неправильно поняли. Я здесь не для того, чтобы что-то украсть. Если хотите знать…

Лео рубанул рукой по воздуху, заставляя ее замолчать. Энджел резко захлопнула рот. Как бы ни презирала она отца, в этот момент до нее дошло, насколько бесполезно перекладывать вину на него. Лео Парнассис просто рассмеется ей в лицо. Она же была буквально поймана за руку на месте преступления, и ей некого винить, кроме самой себя.

Энджел наблюдала, как он ходит взад-вперед, уперев руки в бока. Пальцы у него были тонкие и длинные, тыльную сторону ладоней усеивали мелкие черные волоски. Вдруг ей вспомнился тот день у бассейна, и в низу живота стало жарко. В момент слепой паники, чувствуя себя крайне уязвимой, Энджел снова вскочила и спряталась за высокой спинкой кресла. Как будто это могло ее спасти!

Лео остановился и повернулся к ней лицом, окинув холодным взглядом.

Энджел хрипло спросила:

– Что… что вы собираетесь делать? Вызовете полицию?

Он оставил без внимания ее вопрос, подошел к встроенному в стену бару, плеснул себе виски и выпил одним глотком.

Затем снова вперил в нее взгляд, и Энджел заметила, как что-то полыхнуло в черных глубинах глаз, сделав их почти золотыми.

– Это твой отец послал тебя сюда сегодня? На разведку? Или это была твоя инициатива?

Руки Энджел стиснули спинку кресла, она чувствовала, что хвост, в который она стянула волосы, распадается.

– Я уже говорила вам. В тот вечер я понятия не имела, куда мы едем. Они не сказали, куда везут нас, из соображений безопасности.

Он громко рассмеялся:

– И когда вы с твоим папашей узнали, что Георгиоса нет, то решили воспользоваться благоприятной возможностью. Единственное, чего вы не учли, – это мое возвращение.

– В прессе ничего не было.

Лео насупился, и Энджел совсем пала духом. Теперь все выглядело еще хуже. Не могла же она ему признаться, что все это время она, как сумасшедшая, просматривала газеты, чтобы узнать о его передвижениях.

– Я приехал на неделю раньше, надеясь кое-кого удивить. Мы прекрасно сознаем, что в настоящий момент, когда мы находимся в процессе передачи власти, люди могут счесть нас легкой добычей.

До Энджел дошло, и ей сделалось плохо.

– Вы видели, как я вошла. Охранник предупредил вас…

Лео махнул рукой куда-то вправо от Энджел, и она увидела небольшую комнату, из которой он появился. Целую стену в ней занимали экраны с черно-белыми картинками на них. Камеры слежения. Одна из них была направлена прямо на главные ворота. Он наблюдал за каждым ее шагом. Ей стало плохо, когда она вспомнила, как кралась по дому. Ее наивность просто смешна. Разумеется, Энджел бы никогда даже не приблизилась к этому дому, если бы знала, что Лео здесь. Энджел взглянула на него.

– Твоя наглость воистину поразительна. В тебе явно живет уверенность, порожденная твоим положением в обществе, даже если этого положения у тебя больше нет, – сказал Леонидас.

В иной ситуации Энджел могла бы рассмеяться. Может, Тито раньше и был богат, но он всегда вел себя как деспот. Он контролировал каждый их шаг и держал в ежовых рукавицах. Не нахальство и дерзость привели ее к этим воротам, а страх и желание исправить зло.

– Я пришла не за тем, чтобы что-то украсть, клянусь.

Лео махнул в сторону завещания, лежащего на столе, и не обратил ни малейшего внимания на ее утверждение.

– Что ты надеялась из него выудить? – Он резко рассмеялся. – Глупый вопрос. Наверняка твой отец надеялся использовать содержащиеся там сведения, чтобы подложить мне какую-нибудь свинью. Или, может, ты собиралась воспользоваться информацией, чтобы охмурить меня? Хотела попытаться выжать еще что-нибудь? Воспользоваться нашим с тобой поцелуем?

Лицо Энджел жарко вспыхнуло, когда она подумала о том поцелуе. А потом вспомнила отцовские слова, его злорадство. Слишком поздно она заметила жесткость в глазах Лео. Он неправильно истолковал ее виноватый вид. Это лишний раз доказало ей, что оправдываться бесполезно. Лео Парнассис скорее поверит в Санта-Клауса, чем в ее невиновность.

Энджел стала осторожно обходить кресло.

– Послушайте. Завещание у вас. Я прошу прощения, что вторглась на запретную территорию. Обещаю, что если отпустите меня, то больше никогда не увидите и

не услышите обо мне. – Энджел оставила без внимания то, как ее сердце сжалось при этих словах.

Лео поставил стакан на стол. Энджел настороженно следила за каждым его движением. В глубине его глаз опять замерцало золото, снова напомнив ей о том поцелуе. Взгляд Лео дерзко скользил по ее телу. Сердце Энджел колотилось как безумное, кожа горела. В слепой панике, ужаснувшись своей реакции, она сделала еще несколько шагов. В конце концов, не было ведь никакого проникновения со взломом, ее впустили. Но когда Энджел уже собиралась пройти мимо Лео, он схватил ее за руку и развернул так резко, что она потеряла равновесие и повалилась на него.

В одну секунду он распустил ее волосы, и они рассыпались по плечам. Ладонь удерживала голову, приподнимая ее лицо. Другая рука железным обручем обвилась вокруг талии. Энджел боялась пошевелиться или вздохнуть.

– А знаешь, ты ведь на самом деле оказала мне любезность, Кассианидис. Ты избавила меня от лишних хлопот. Я собирался припереть тебя к стенке и получить ответ, зачем ты явилась сюда в тот вечер. Не думала же ты, что тебе это сойдет с рук, а?

Это был риторический вопрос. Энджел ничего не ответила, слишком напуганная ощущениями предательской реакции собственного тела.

– Еще мне хотелось понять, не был ли я слишком категоричен в своей первоначальной оценке относительно того, почему ты работала официанткой на нашей вечеринке. В конце концов, то, что ты – дочь Тито, не значит, что ты такая же испорченная.

Энджел не верила своим ушам. Она увидела проблеск надежды и закивала. Открыла рот, но он не дал ей возможности заговорить. Голос его стал жестче и резче:

– Но твой сегодняшний поступок полностью тебя изобличает. Как только ты увидела возможность, сразу же вернулась, и в этот раз чтобы украсть что-нибудь по-настоящему ценное, что может быть использовано в попытке навредить моей семье. В завещании содержатся сведения и о моей собственности, поэтому ты совершила преступление не только против моего

отца, но и против меня.

Энджел похолодела. Все гораздо хуже, чем она думала.

Лео продолжал:

– Как наивно с твоей стороны было думать, что тебе удастся провернуть такое. Ты правда решила, что, если бы меня здесь не было, ты легко попала бы на виллу?

Энджел попыталась отодвинуться, но его пальцы крепче стиснули волосы. Она поморщилась, хотя на самом деле ей не было больно.

Лео издевательски улыбнулся:

– Ты не можешь быть настолько наивной, что бы думать, что так легко отделаешься, а, Кассианидис?

Холодок страха пробежал по позвоночнику.

– Что вы хотите сказать?

– Есть еще одна причина, по которой я собирался встретиться с тобой.

Она поежилась:

– Еще одна?

Лео кивнул, его лицо было теперь так близко, что, казалось, она тонет в темно-золотых глубинах его глаз. Ее руки лежали у него на груди. Она чувствовала, как под ними ровно бьется его сердце, и ей захотелось подвигать бедрами, но она заставила себя стоять неподвижно.

– Из-за тебя я потерял сон, – произнес Лео. – Я пытался отрицать это, не обращать внимания. Но желание не унять. Я не привык отказывать себе. И как бы я ни презирал себя… я хочу тебя, Энджел.

Ее захватила буря эмоций, когда он назвал ее по имени. Все те ночи, когда она просыпалась, вся в поту от наполненных жаркой страстью снов, он тоже думал о ней?

Энджел еще раз попыталась оттолкнуть его, но Лео держал ее без усилий. Он вкрадчиво прошептал:

– В ту ночь ты пришла сюда, чтобы унизить мою семью и меня. Сегодня ты пришла, чтобы что-то украсть. Тебе это не сойдет с рук, Энджел. Нельзя не обжечься, играя с огнем.

Энджел отвела назад голову, теперь всерьез запаниковав. Она никогда в жизни ничего не крала!

– Но я не…

Лео впился ей в губы. Он был безжалостен, он был зол и терзал рот Энджел до тех пор, пока у нее на глазах не выступили слезы, а руки не сжались в кулаки, безуспешно колотя по твердокаменной груди. Слабый умоляющий стон вырвался из ее горла. Наконец Лео оторвался от нее, и она почувствовала, что его грудь тяжело вздымается. Это должно было вызвать у нее отвращение, напугать, заставить отшатнуться при виде его горящих страстью глаз, но ничего подобного не произошло. Как будто она ждала этого.

Пальцы Лео гладили голову Энджел. Она не могла справиться с мягкостью, с нежностью. Она почувствовала, что его большой палец заскользил по щеке, и только тогда до нее дошло, что, должно быть, слезинка выкатилась из ее глаза.

Лео натянуто улыбнулся:

– Слезы – это милый штрих, Энджел, но необязательный. Как и притворство, что ты не хочешь меня.

Лео слегка пошевелился, теснее прижимая Энджел к нижней части своего тела, и она ахнула, почувствовав доказательство его возбуждения на своем животе. Она ощутила влагу между ног.

Его глаза поймали ее в плен и словно загипнотизировали. Все исчезло и потеряло значение.

Когда Лео снова наклонил голову, то уже не был жесток и груб. Его прикосновение было твердым и соблазняющим. Рот пленил ее губы, и из груди Энджел вырвался тихий вздох.

Лео заставил ее губы раскрыться, дотрагиваясь до ее языка своим, вызывая тянущее ощущение в низу живота. Энджел двигалась по наитию, едва ли сознавая, что делает, просто чувствуя, что хочет большего.

Лео притянул ее еще ближе, прорычав что-то нечленораздельное, ртом и языком продолжая творить волшебство. Энджел краешком сознания отметила, что руки ее разжались и ладони скользнули вверх и легли на его широкие плечи. Затем она обвила его за шею, выгибая тело к нему и пальцами запутавшись в удивительно шелковистых прядках.

Когда Лео оторвался от нее, она издала тихий протестующий звук, похожий на мяуканье. Подняв тяжелые веки, увидела, что он улыбается с чувственной сексуальностью, и сердце ее перевернулось. Локон блестящих черных волос упал ему на лоб, и Энджел убрала его дрожащей рукой, почти не сознавая, что делает, просто следуя какому-то глубоко запрятанному инстинкту.

Ладонь Лео пробралась под ее майку. От ощущения его прикосновения к обнаженной коже пульс Энджел пустился вскачь. Рука пробиралась все выше и выше, туда, где, она чувствовала, грудь ее напряглась и отяжелела, и, замерев на мучительно долгий миг, обхватила мягкий холмик и потянула чашечку бюстгальтера вниз.

Лео поводил большим пальцем туда-сюда по тугой, напрягшейся вершинке, а затем быстрым движением поднял майку. При виде того, как он смотрит на ее грудь, Энджел почувствовала слабость от наплыва желания. А потом, когда он наклонил голову…

Разум кричал ей, что она должна оттолкнуть его, но она не могла. Когда Лео лизнул, а затем втянул сосок в горячую, влажную пещеру своего рта, голова Энджел запрокинулась. Руки с силой стиснули его плечи. Какая-то неведомая сила уносила ее туда, откуда нет возврата. Удовольствие было настолько

сильным, что она испугалась по-настоящему. Лео протиснул руку ей между ног, обхватил женственный холмик, и она окончательно пропала. Еще никогда Энджел не теряла власти над своим телом. Он ласкал ее через джинсы, и ткань служила слабой преградой его прикосновению. Он точно знал, где ее терзает томление, и при этом рот его немилосердно посасывал грудь.

Энджел в отчаянии вскрикнула – чтобы он остановился и чтобы никогда не останавливался. Ощущение ласкающей ее через джинсы руки было невероятно возбуждающим.

Энджел почувствовала, что тело ее напряглось. Она уже утратила надежду вернуть самообладание.

Мир перестал существовать. Были только он и волшебство его прикосновений.

Хриплым шепотом она взмолилась, едва ли понимая, чего хочет:

– Лео…

Все замерло. Но Энджел не замечала этого, пока с внезапной безжалостностью, почти граничащей с грубостью, Лео не прекратил то, что делал, и не оттолкнул ее.

Долгую минуту Энджел стояла ошеломленная, часто дыша, силясь прийти в себя. Сердце болезненно колотилось в груди, тело покрылось испариной. Он резко поправил на ней бюстгальтер и майку. Ткань терлась о ее все еще чувствительные соски.

До Энджел дошло, что ее руки словно приклеились к его груди, пальцы стискивают рубашку. Она поспешно убрала их, будто обожглась. Еще Энджел поняла, что ноги ее не держат, и она рухнула бы кулем к ногам Лео, если бы он, чертыхнувшись, не подхватил ее и не отнес в кресло.

Энджел опустила голову, спрятавшись за упавшими на лицо волосами. Лео вознамерился унизить ее, и не прошло и минуты, как она превратилась в стонущую распутницу. Как Лео, должно быть, смеется над ней.

Энджел сглотнула. Она здесь с тем, кто ее явно презирает… От стыда она готова была провалиться сквозь землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Энджел – в переводе с английского «ангел».

Купить: https://tellnovel.com/ru/ebbi-grin/sny-i-zhelaniya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить